

ПРОБЛЕМА ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ КОНТАКТОВ В ЭПОХУ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди множества проблем, встающих перед исследователем греческой колонизации Причерноморья, одной из важнейших является сложный вопрос о возникновении и развитии связей между греками-колонистами и варварским населением колонизируемых районов. При его решении должны быть приняты во внимание сам характер колонизации, ее цели и задачи, условия и последствия, в значительной степени зависевшие от этих контактов. В последние десятилетия интерес исследователей к проблемам Великой греческой колонизации вообще и к вопросам греко-варварских отношений в частности чрезвычайно вырос как в западноевропейской, так и в отечественной науке. Об этом свидетельствуют не только публикации многочисленных трудов, но и организация в разных странах специальных конференций и семинаров, посвященных этим вопросам. В нашей стране наибольшие усилия по изучению колонизационного процесса были предприняты, естественно, учеными тех республик, которые прилегают к Черному морю, — России, Украины, Грузии. Большое значение имела целая серия международных научных конференций, проведенных с конца 70-х годов в Грузии (Цхалтубо, Вани), посвященных обсуждению вопросов греческой колонизации Причерноморья и развитию местных обществ в эпоху колонизации.

Освоение греками северного побережья Черного моря, как и других припонтийских областей, было одним из проявлений общего процесса расселения греков в бассейне Средиземного моря. Иногда исследователи противопоставляют западнесредиземноморскую и понтийскую ветви колонизации как два принципиально разных явления. С этим нельзя согласиться, так как в обоих случаях колонизационные движения определялись общими закономерностями развития греческого общества и потому имели много сходства в целях и характере, а также в самом процессе колонизации и ее конечных результатах. Но все же существует ряд специфических особенностей освоения греками причерноморских земель, которые нужно учитывать. Ими являются, например, прочное обоснование греков на берегах Понта как позднейший этап Великой греческой колонизации, относящийся в основном к VI в. до н.э., а также ведущая, определяющая роль в этом процессе Милета.

Конкретной истории проникновения греков на северное побережье Понта Евксинского и установления первых контактов с варварами причерноморских степей всегда уделялось большое внимание в отечественной науке. К 50—60-м годам нашего столетия выработались довольно устойчивые и более или менее общепринятые представления в этой области, которые, казалось, решали основные вопросы истории припонтийской колонизации. Но последующие археологические открытия и связанное с ними осмысление некоторых теоретических положений привели к пересмотру многих ранее существовавших точек зрения, выдвинули на повестку дня новые вопросы и заставили по-иному взглянуть на весь процесс греко-варварских связей в Северном Причерноморье. Этот пересмотр связан главным образом с исследованиями в последние полтора десятилетия (Ю.Г. Виноградов, К.К. Марченко, В.П. Толстикова, В.В. Рубан, Ф.В. Шелов-Коведяев и др.). В настоящей статье сделана попытка сопоставить и обобщить основные положения, к которым пришли современные отечественные исследователи греческой колонизации и первых греко-варварских контактов в Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н.э.

До недавнего времени в русской (как, впрочем, и мировой) историографии существовали две основные концепции греческой колонизации Средиземноморья вообще и понтийского региона в частности — «торговая» и «аграрная». Длительное время и безоговорочно господствовала теория торговой колонизации, согласно которой главной движущей силой колонизационного процесса были интересы торговли, стремление греков найти новые рынки сбыта для продукции греческих ремесленных мастерских и новые источники сырья и продовольствия для снабжения метрополии. В применении к понтийскому региону представление о торговом характере колонизации преобладало в дореволюционной русской историографии (В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Э.Р. Штерн и др.). В известной степени оно нашло отражение и в трудах крупнейшего советского исследователя истории Северного Причерноморья акад. С.А. Жебелева и других советских ученых.

В 40-50-х годах получила широкое распространение теория «двусторонности» колонизационного процесса, впервые выдвинутая А.А. Иессеном и полностью базирующаяся на признании торгового характера колонизации. Согласно ей, обязательными предпосылками

основания греческих колоний в Северном Причерноморье были не только известные социально-экономические процессы в метрополии, но и достижение северочерноморскими племенами определенного уровня развития, позволявшего им вступать в торговые связи с греками-переселенцами. Археологические открытия последних десятилетий во всех районах античного Причерноморья ясно показали, что с такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Но в теории «двусторонности» имелось и рациональное зерно — повышенное внимание к конкретной ситуации, создавшейся в Северном Причерноморье к моменту колонизации.

Сам процесс проникновения греков на берега Понта Евксинского представлялся сторонникам торговой колонизации в следующем виде: от эпизодических морских поездок и случайных торговых связей с туземцами к организации торговых факторий или эмпориев с постоянными торговыми функциями, а затем от эмпориев к колониям с развитой торговлей, ремеслом и сельскохозяйственным производством. Возникло даже представление о целом эмпорильном периоде колонизации, наиболее выразительно выраженное в работах В.Д. Блаватского. В качестве эталона эмпория принималось обычно древнейшее в Северном Причерноморье греческое поселение на о-ве Березань, возникшее в середине VII в. до н.э. и поглощенное позднее Ольвийским полисом. Однако теория о перерастании эмпориев в колонии оказалась ошибочной, эмпории эти практически нигде обнаружены не были, а Березанское поселение в результате многолетних археологических исследований получило совершенно иную характеристику.

Не подтвердилось и представление о существовании доколониционной торговли греков с населением скифских степей. Единичные находки архаической ионийской керамики, которые ранее принимали за свидетельства этой торговли, во-первых, крайне малочисленны, во-вторых, не восходят ко времени более раннему, чем середина VII в. до н.э., т.е. не старше древнейшего греческого поселения на о-ве Березань, в-третьих, могли попасть в причерноморские степи не только в результате торговли, но и другими путями, например через скифов, вернувшихся из Малой Азии. Конечно, отсутствие доколониционной торговли, по крайней мере в том виде, в каком ее представляли ранее, не означало, что греки совсем не были знакомы с колонизируемым побережьем, но сколько-нибудь регулярных контактов с аборигенами причерноморских степей у них не существовало до основания здесь греческих апойкий.

Теория аграрной колонизации, согласно которой главной движущей силой колонизационного процесса было стремление греков метрополии захватить и освоить новые земли, пригодные для развития сельского хозяйства, не получила значительного распространения в советской историографии. Наиболее последовательным сторонником этой концепции был В.В. Лапин, отрицавший вообще торговую заинтересованность греков и какую-либо роль их контактов с варварским населением колонизируемых территорий. Односторонность и предвзятость этой точки зрения совершенно очевидно, но она имеет и положительное значение. Ведь она, с одной стороны, справедливо отрицает прямую зависимость возникновения греческих апойкий от уровня развития греко-варварских отношений, а с другой — акцентирует внимание исследователей на ранних проявлениях производственной деятельности колонистов на новых местах обитания.

В последнее десятилетие при рассмотрении причин и характера греческого колонизационного движения подчеркивается заинтересованность греков в получении различных металлов, а поиск металлического сырья признается одной из движущих сил колонизационного процесса. Но в освоении греками Северного Причерноморья эти мотивы не могли играть сколько-нибудь заметную роль.

Советские исследователи колонизации обычно исходят из известного замечания К. Маркса о вынужденной эмиграции в древних обществах. Но расширительное понимание этого замечания, приводящее к признанию вынужденной эмиграции единственной причиной колонизации, безусловно ошибочно и от него сейчас справедливо отказались. В целом в настоящее время возобладало мнение, что колонизационное движение было гораздо более сложным и разносторонним процессом, чем это представлялось ранее адептам и торговой, и аграрной концепций, и причины его не могут сводиться к какому-нибудь одному фактору. Даже в пределах причерноморского бассейна возникло несколько моделей колонизации, определяемых совокупностью различных условий, существовавших как в греческих полисах, выведивших колонии, так и в местах нового поселения греков (Я.В. Доманский, И.Б. Брашинский, А.Н. Щеглов). Далее мы рассмотрим конкретные примеры колонизации разных районов Северного Причерноморья.

Решительному пересмотру подвергся в последнее время вопрос о демографической и этнической ситуации в районах, осваиваемых греками в процессе колонизации. До недавнего

времени считалось общепризнанным, что греки основывали свои поселения, как правило, в местах, где уже до них находились оседлые варварские поселки, хотя было совершенно непонятно, что при этом происходило с жителями этих поселков: изгонялись они со своего места, порабощались или инкорпорировались в состав жителей греческого поселения. Представление о почти обязательном наличии оседлых варварских поселений в местах возникновения греческих апоекий базировалось главным образом на том, что в этих местах обычно встречается лепная керамика и некоторые другие археологические объекты, относимые ко времени, непосредственно предшествующему колонизации. Обращалось также внимание на негреческие наименования некоторых северочерноморских колоний, например Пантикапея, Тиритаки и др. Однако более тщательное изучение упомянутых археологических материалов показало, что в большинстве своем они относятся к гораздо более раннему времени, чем предколониационное, т.е. еще к эпохе поздней бронзы, а некоторые, наоборот, датируются VI—V вв. до н.э., т.е. временем, когда греческие колонии уже существовали, отражая тем самым проникновение варварских элементов в состав населения этих колоний. От доколониационной эпохи как раз не осталось почти никаких свидетельств оседлой жизни на прибрежных территориях Северного Причерноморья. Что касается топонимических названий, то сами по себе они не могут доказывать наличие аборигенного варварского населения на колонизируемых землях. Создается впечатление, что в большинстве районов греческой колонизации к моменту прибытия туда греков оседлое население было крайне редко и малочисленно или отсутствовало вообще, поэтому греки-поселенцы могли занять практически пустующие земли. Северное Причерноморье в этом отношении несколько отличалось от западного и восточного побережий Понта Евксинского, где демографическая ситуация была несколько иной.

Наиболее полное представление о ходе колонизационного процесса и первоначальных контактах греков с аборигенами причерноморских степей можно получить сейчас на примере Нижнего Побужья, исключительно благодаря систематическому археологическому изучению основных античных центров этого района — Березани, Ольвии и сельских поселений их округи. Именно в этом районе возникло древнейшее греческое поселение в Северном Причерноморье. Оно было основано, скорее всего, милетянами около середины VII в. до н.э. на современном о-ве Березань, который в то время, видимо, был еще полуостровом, соединявшимся с материком небольшим перешейком. Вероятно, к этому поселению, а не к Ольвии должны быть отнесены и названия Борисфен или Борисфенида, а также свидетельство хроники Евсевия о появлении здесь греческой колонии в 647 г. до н.э. Экономическая характеристика Березанского поселения, определение его основных функций остаются пока спорными, но совершенно несомненно, что с самого начала это был торговый и производственный центр, где были развиты металлургическое и другие производства, хотя торговая функция, видимо, оставалась доминирующей. Это особенно подчеркивается в работах Л.В. Копейкиной. Значительной аграрной направленности Березанское поселение не имело, о чем говорит полное отсутствие сельскохозяйственной хоры в окрестностях Березани во второй половине VII — начале VI в. до н.э. Лишь со второй четверти VI в. появляются впервые сельские поселения по берегам Березанского лимана.

В первой четверти VI в. до н.э. возникает Ольвия, важнейшая милетская колония в этом районе. Существует предположение, высказанное Ю.Г. Виноградовым, что в ее основании участвовали не только переселенцы из метрополии, но и жители Березанского поселения. Поэтому основание Ольвии было вторым этапом освоения милетянами Нижнего Побужья, а более раннее Березанское поселение стало как бы первой ступенькой в этом освоении. Эта гипотеза весьма вероятна. У нас, правда, нет никаких данных, каковы были конкретные связи и взаимоотношения между Березанью и Ольвией в первой половине VI в. до н.э., но можно с уверенностью говорить, что никакого антагонизма между этими центрами не существовало. Ко второй половине VI в. относится оформление Ольвии как полиса, отразившееся, в частности, в создании типичной полисной урбанистической структуры: выделение административного центра — агоры, строительство общественных зданий, появление культового участка — теменоса и т.п. Значительные градостроительные работы, несомненно проводившиеся городской администрацией, имели место в это время и на Березани. Концом VI в. до н.э. датируются эпиграфические свидетельства о существовании Ольвийского полиса. Березанское поселение, несомненно сыгравшее первоначально роль зародыша полисной организации, теперь, после возвышения Ольвии, входит в состав ее владений, играя преимущественно роль выдвинутого далеко в море полисного эмпория. Интересен в этом отношении перенос с Березани в Ольвию выпуска первых оригинальных бронзовых монет: еще в первой половине VI в. до н.э. на Березанском поселении приступили к эмиссии литых монет-стрелок, а

полустолетием позже эта эмиссия заменяется выпуском монет-дельфинчиков, который осуществлялся, по-видимому, уже в Ольвии.

Экономическая база Ольвии была значительно шире, чем у Березанского поселения раннего времени. С середины VI в. до н.э. к сравнительно немногим уже существовавшим на Березанском лимане сельским поселениям прибавляется множество сельских поселков на берегах Днепро-Бугского и других соседних лиманов. Многие десятки этих возникших почти одновременно поселений составили сельскохозяйственную хору Ольвии. Для их основания несомненно потребовался новый приток переселенцев из метрополии, хотя какое-то количество жителей образовалось и за счет привлечения аборигенного населения.

Вопрос о ранних контактах греков с варварским населением Нижнего Побужья и Поднепровья достаточно сложен и дискуссионен. Первые греческие поселенцы, обосновавшиеся на Березани, не застали в этом районе какого-либо оседлого населения и могли практически беспрепятственно завладеть свободными землями на прилегающем побережье. Однако этого не произошло, своей сельскохозяйственной округи березанские греки не создали, вероятно, ограничившись возделыванием ближайших земель без организации специальных выселков или хуторов. Следы такой аграрной деятельности археологически не прослеживаются, хотя трудно предположить, чтобы жители поселения совершенно не занимались сельским хозяйством. Неразвитость сельскохозяйственного производства на Березани подтверждает представление о том, что основной хозяйственной функцией этого поселения была торговля. Но, не обладая собственной широкой сельскохозяйственной базой, березанские греки могли получать необходимый для торговли продукт — хлеб, приобретая его у оседлых земледельческих племен Северного Причерноморья, скорее всего у племен лесостепи. Поэтому довольно рано возникли торговые связи греков с этими племенами. Кочевники приднепровских степей, видимо, этому не препятствовали. Вообще можно довольно уверенно говорить о том, что между греками Березани и Ольвии, с одной стороны, и окружающими номадами — с другой, существовали первоначально мирные отношения. Об этом свидетельствуют сравнительно позднее строительство оборонительных сооружений в Ольвии и их отсутствие на Березани, а также беспрепятственное развитие многочисленных неукрепленных поселений ольвийской хоры.

Примечательно раннее проникновение варварских элементов в состав населения обоих центров. Уже для второй половины VII в. до н.э. на Березани засвидетельствованы лепная посуда негреческого облика и другие археологические реалии, подтверждающие присутствие в составе ее населения выходцев из варварского окружения. Березань, а затем Ольвия, несомненно, притягивали к себе какие-то группы туземного населения. Среди негреков были представители племен лесостепной Скифии и гето-фракийцы, а позднее и скифы-степняки, которые постепенно, к концу VI в. до н.э., становятся преобладающим элементом среди аборигенных жителей этих центров. Эта, прослойка, как показал К.К. Марченко, была довольно немногочисленной, но все же постоянной. В большем числе выходцы из варварской среды обитали на сельских поселениях ольвийской хоры.

Контакты поселенцев-греков с варварским миром, вероятно, не ограничивались чисто торговыми связями и оседанием части варваров в греческих апойкиях. В литературе, в частности в работах Л.В. Копейкиной, указывалось на возможность возникновения уже в архаическую эпоху в Ольвии и Березани некоторых производств, рассчитанных на сбыт продукции исключительно кочевникам. Воздействием варварской среды объясняют иногда и отдельные явления в бытовом укладе и культурной жизни греческих колоний, например широкое распространение землянок или полуземлянок как формы жилища. Но все эти вопросы требуют еще дальнейшего изучения и новых археологических данных.

В отличие от Днепро-Бугского района освоение греками Северо-Восточного Причерноморья началось позднее, но происходило чрезвычайно интенсивно. Здесь образовалось большое число греческих поселений по обе стороны Боспора Киммерийского — на берегах Керченского полуострова и на островах, образуемых дельтой р. Кубань. Наиболее ранние из этих поселений — Пантикапей, Нимфей, Гермонасса, Кепы и некоторые другие — возникли в начале или в первой половине VI в. до н.э., остальные — во второй половине столетия. Основной колонизационный поток шел сюда из городов Ионии, причем главным организатором колонизационного процесса и здесь был Милет, хотя в переселении принимали участие и жители других центров. Весьма неясен вопрос о так называемой внутренней или вторичной колонизации на Боспоре, т.е. об образовании дочерних поселений боспорских апойкий. В свое время С.А. Жебелев предполагал, что только четыре города на Боспоре были основаны приезжими греками, а все остальные возникли в процессе внутренней колонизации из этих городов. Однако археологические исследования «малых» городов Боспора показали, что

почти все они возникли почти одновременно во второй половине VI в. до н.э. непосредственно путем расселения греков-ионийцев. У нас нет реальных данных о широкой внутренней колонизации на Боспоре (как считали С.А. Жебелев и некоторые другие исследователи), хотя отрицать возможность существования вторичных поселений невозможно. Показательны в этом смысле, например, свидетельство Псевдо-Скимна о возникновении Синдской гавани, а также основание боспорцами Танаиса, правда, уже в гораздо более позднее время.

Боспорские апойкии с самого начала организовывались и развивались как самостоятельные полисы, первоначально небольшие и бедные, жители которых (как и жители Березани и Ольвии) на первых порах ютились в примитивных жилищах типа землянок или полуземлянок. Практически одновременно с основанием городов возникает и их хора, очень ограниченная по размерам (не более 5—10 км от центра полиса) и, видимо, предназначенная лишь для удовлетворения потребности горожан в сельскохозяйственных продуктах, а не для получения товарного хлеба. По данным И.Т. Кругликовой, сельские поселения представляли либо отдельными усадьбами-хуторами, либо маленькими поселками из нескольких хозяйств.

Среди боспорских полисов рано выделяется наиболее развитый и мощный Пантикапей, основанный, видимо, немного раньше других. Пантикапей занимал самое выгодное положение у Керченской бухты, на краю плодородных земель, вблизи месторождений железных руд и источников питьевой воды. Очень привлекательны для греков должны были быть и топографические особенности местности. Все это предопределило быстрое развитие города. Как показывают раскопки, уже в архаическое время там идет усиленное каменное строительство, сооружаются монументальные храмовые здания, быстро развивается ремесленное производство, в частности железоделательное и бронзолитейное. Пантикапей, видимо, оказывает мощное воздействие на соседние городки, такие как Тиритака и Мирмекий, которые впоследствии становятся как бы хозяйственными пригородами главного экономического и культурного центра Боспора. Со второй половины VI в. до н.э. Пантикапей, единственный из боспорских городов, начинает эмиссию собственной серебряной монеты, которая становится общим межполисным средством денежного обращения всего Боспора Киммерийского. Последнее обстоятельство свидетельствует о складывающемся экономическом единстве боспорских земель еще до объединения боспорских полисов.

Этнодемографическое положение на Боспоре в момент колонизации не вполне ясно, но оно было более сложным, чем в Днепро-Бугском районе. Непосредственно на берегах Керченского пролива, где греки основали свои апойкии, видимо, постоянного оседлого населения не было. Туземная керамика и другие археологические находки из Пантикапея, Нимфея, Феодосии и других мест, ранее принимавшиеся за доказательство существования такого населения, ныне признаются либо гораздо более ранними, еще эпохи бронзы, либо более поздними, появившимися в античных городах уже после их основания. Правда, в Прикубанье обитали оседлые земледельческие племена синдов и меотов, но острова Таманского архипелага в дельте Кубани вряд ли были плотно заселены и греки могли здесь беспрепятственно основывать свои поселки. На Керченском полуострове, как и во всем степном Крыму, господствовали скифы-кочевники, полностью ассимилировавшие к этому времени остатки кочевого населения киммерийской эпохи.

Через Боспор Киммерийский проходил большой путь, связывавший Северный Кавказ с крымскими степями и далее с Поднепровьем. Он существовал, вероятно, еще в киммерийское время. Но это вряд ли был, как иногда думают, путь сезонных миграций кочевников: такие перекочевки номады Северного Причерноморья совершали всегда в меридиональном, а не в широтном направлении. Но в своих далеких военных походах скифы, несомненно, пользовались и этим путем. О его функционировании сообщают Геродот и другие античные авторы, прослеживается он и археологически.

Скифы-кочевники не имели оснований препятствовать поселению греков на берегах Керченского пролива. Основное их внимание было направлено в это время в другую сторону — на подчинение племен лесостепи. И археологические материалы, и данные письменной традиции позволяют полагать, что колонизация Боспора не сопровождалась какими-либо значительными греко-варварскими столкновениями и отношения аборигенов восточно-крымских степей с возникшими здесь апойкиями были в основном мирными. Греческие поселения очень рано становятся центрами, вокруг которых появляется постоянное варварское население, главным образом путем оседания на землю вчерашних кочевников. Какое-то количество скифов и выходцев из других северочерноморских племен включается в состав жителей самих греческих городов, причем на разных социальных уровнях вплоть до высшей племенной аристократии, оставившей богатые греко-варварские погребения в курганных некрополях боспорских городов. Особенно наглядно, по мнению Э.В. Яковенко, греко-

варварские контакты позднеархаической эпохи проявляются в некрополях Нимфея и Пантикапея.

К началу V в. до н.э. обстановка в районе Киммерийского Боспора резко изменилась. Из сообщения Диодора известно, что с 480 г. до н.э. на Боспоре правили Археанактиды, род или династия греческого (скорее всего, милетского) происхождения. Обычно считается, что в этом году произошло объединение отдельных боспорских городов в одно государство, возглавляемое Археанактидами. Но высказывается и другая точка зрения, в частности Ф.В. Шеловым-Коведяевым, согласно которой симмахия боспорских городов возникла несколько раньше, а к указанной дате относится лишь захват власти в ней Археанактидами. Хотя мы не знаем ни даты объединения боспорских городов, ни точного состава образовавшегося союза и хода самого процесса объединения, нет сомнения, что в первой четверти V в. до н.э. значительная часть античных полисов на обоих берегах Киммерийского Боспора вошла в состав нового единого политического образования, превратившегося позднее в Боспорское царство. Мы не будем разбирать здесь сложный вопрос о характере власти Археанактидов и о политическом статусе вошедших в их государство городов. Большинство современных исследователей полагают, что власть Археанактидов по своему характеру ближе всего стоит к тиранической. Для нас важнее другой вопрос: каковы были причины, заставившие боспорские города объединиться, преодолев обычное для полисов стремление к автаркии.

Совершенно несомненны тесные экономические связи боспорских городов, а иногда, видимо, и экономическая зависимость «малых» городов от более крупных центров, например Пантикапея. Но сами по себе они вряд ли могли привести к созданию постоянного политического объединения. Вероятно, правы те исследователи, которые видят основную причину возникновения этого объединения в потребностях совместной обороны от начавшегося нажима варваров на боспорские города. Такой нажим мог исходить от скифов-кочевников, значительно усилившихся к этому времени и пытавшихся поставить под свой контроль античные города Северного Причерноморья. Хотя вопрос о времени создания Скифского государства еще не может считаться окончательно решенным, в последнее время наблюдается тенденция к отказу от широко распространенной ранее точки зрения Б.Н. Гракова, М.И. Артамонова и др., согласно которой Скифское государство возникло не ранее IV в. до н.э. Современные исследователи — А.И. Тереножкин, А.М. Хазанов и др. — настойчиво подчеркивают, что этнополитическое единство Скифии сложилось уже к концу VI — началу V в. до н.э. и Скифское царство к этому времени представляло собой внушительную политическую и военную силу. После успешного отражения персидского нашествия, покорения земледельческих племен лесостепи и удачных походов во Фракию вплоть до Херсонеса Фракийского цари крепнущей Скифской державы обратили свое внимание и на античные города северочерноморского побережья, стремясь захватить или подчинить их своему контролю. Это хорошо видно на примере Ольвии, о чем будет речь ниже, но и боспорские города могли стать объектами скифской экспансии. Геродот говорит о набегах скифов из Крыма в Синдику, а боспорские центры лежали на пути этих набегов. В таких условиях естественно стремление боспорских городов противостоять скифскому нажиму объединенными усилиями и заключить с этой целью между собой тесный союз.

В пользу приведенной концепции говорят как будто бы и некоторые археологические факты — возникновение в первой половине V в. первых городских укреплений на Боспоре и, может быть, создание в это же время так называемого Тиритакского оборонительного вала, ограждавшего крайнюю прилегающую к проливу восточную часть Керченского полуострова от набегов с запада, со стороны крымских степей. Усилия боспорских греков оказались успешными: Боспорское государство не только отстояло свое независимое существование, но несколько позднее, при первых правителях новой династии Спартокидов, само перешло в наступление против соседних варваров и закрепило за собой все земли Керченского полуострова, а затем подчинило синдов и некоторые меотские племена на азиатской стороне Боспора.

Совершенно иное положение сложилось в Нижнем Побужье. Вторая половина VI в. до н.э. была здесь временем быстрого роста Ольвийского полиса и сельских поселений обширной ольвийской хоры. Но в первой трети V в. до н.э. происходят резкие изменения; прекращается жизнь почти на всех поселениях ольвийской округи. Исследование этих поселений не обнаружило каких-либо следов их гибели в огне пожаров или иных свидетельств насильственного прекращения их существования. Впечатление такое, что население всех сельскохозяйственных поселков ольвийской хоры почти одновременно покинуло свои жилища и переместилось на новое местожительство. Таким местом могла быть только Ольвия, где как

раз в это время возникает большое предместье — предградье, заселенное, по-видимому, сельскими жителями.

Стягивание в город окрестного населения и практически полная ликвидация всей сельскохозяйственной округи Ольвии не могли быть результатом внутреннего развития полиса. а диктовались, по всей видимости, внешними причинами. Ю.Г. Виноградовым было высказано предположение, что эти изменения стали следствием мощного нажима на Ольвию правителей Скифии, которые были заинтересованы в сбыте в город, а через него в Грецию зернового хлеба, получаемого ими от оседлых племен лесостепи в порядке внеэкономического принуждения. Ольвия была нужна скифским царям как посредник в торговле в эллинским миром и поставщик греческих товаров, а производство ольвиополитами зерновых шло вразрез с их интересами. Отсюда их требование сократить их производство, что жители Ольвии вынуждены были удовлетворить. Впрочем, перестройка хозяйства города не отразилась на его благосостоянии. Археологические материалы свидетельствуют, что в середине V в. до н.э. Ольвия переживала значительный подъем, в городе велось усиленное каменное строительство, возводились оборонительные стены, бурно развивались ремесло и торговля.

Если изложенное выше объяснение любопытного феномена уничтожения ольвийской хоры верно, то оно явно говорит о том, что Ольвийский полис находился в зависимости от скифских царей и вынужден был считаться с их требованиями. Об установлении какого-то протектората скифов над Ольвией, по крайней мере, в начале V в. до н.э. могут свидетельствовать и другие данные: рассказанная Геродотом история царя скифов Скила и чеканка в Ольвии серебряных статеров с варварским именем Эминак. В какой форме осуществлялся этот протекторат, мы не знаем, но, может быть, стоит в этой связи вспомнить об ольвийском информаторе Геродота Тимне. «Отец истории» называет его эпитропом скифского царя. Этот термин понимается обычно как «агент», «уполномоченный», но, может быть, слово эпитропос надо понимать в его первоначальном смысле, т.е. как «наместник», «управляющий» скифского царя в Ольвии. Кстати, именно этим термином обозначает Геродот персидского правителя в Египте Ахемена.

Помимо Ольвии в зависимость от Скифского царства попали и некоторые другие греческие апоикии Северного Причерноморья, хотя точно очертить границы территории, над которой скифы осуществляли свой протекторат, мы не можем. Во всяком случае, видимо, в нее входил Северо-Западный Крым, где существовала единственная ионийская колония Керкинитида, возникшая в VI в. до н.э. Совсем недавно в Керкинитиде был найден очень интересный памятник — нацарапанное на остраконе архаическое письмо V в. до н.э., в котором, между прочим, говорится об уплате дани скифам. Этот эпиграфический документ подтверждает зависимость Керкинитиды, а косвенным образом и Ольвии от Скифского царства.

Такова в общих чертах картина греко-варварских взаимоотношений, сложившихся в процессе греческой колонизации Северного Причерноморья и в первые столетия после образования здесь античных городов. Конечно, эта картина далеко не во всем ясна, и дальнейшие исследования, несомненно, смогут ее во многом дополнить, детализировать, а кое в чем и изменить.

Д.Б. Шелов

PROBLEM OF GRAECO-BARBARIAN CONTACTS IN THE PERIOD OF GREEK COLONIZATION OF THE NORTH BLACK SEA AREA

D.B. Shelov

The posthumously published article systematically traces the process and dynamics of the interaction between Greek colonists and different groups of the indigenous population on the north coast of Pontus Euxinus. The author points out the absence of the settled local population in the area by the moment the earliest apoikiai were founded — in Berezan, Olbia, Panticapaeum etc., which created prerequisites for the unimpeded occupation of vacant lands by the Hellenes.

At the early stage contacts of the Greeks with the nomads of the steppe and the settled population of the forest-steppe and the Taman peninsula were absolutely peaceful: small number of barbarians who penetrated into Greek colonies and Bosphorus were not only commoners, but also tribal nobles.